

ЧАЙКА

1895–1896, выдержки Дятлова Н. С. от 17.09.2025, 1-7/146=95%

1. **Медведенко:** Отчего вы всегда ходите в черном? **Маша:** Это траур по моей жизни. Я несчастна. **Медведенко:** Отчего? **(В раздумье.)** Не понимаю... Вы здоровы, отец у вас хотя и небогатый, но с достатком. Мне живется гораздо тяжелее, чем вам. Я получаю всего двадцать три рубля в месяц, да еще вычитают с меня в эмеритуру, а все же я не ношу траура. Садятся. **Маша:** Дело не в деньгах. И бедняк может быть счастлив. **Медведенко:** Это в теории, а на практике выходит так: я, да мать, да две сестры и братишка, а жалованья всего двадцать три рубля. Ведь есть и пить надо? Чаю и сахару надо? Табаку надо? Вот тут и вертись.
2. **Маша:** Душно, должно быть, ночью будет гроза. Вы всё философствуете или говорите о деньгах. По-вашему, нет большего несчастья, как бедность, а по-моему, в тысячу раз легче ходить в лохмотьях и побираться, чем... Впрочем, вам не понять этого...
3. **Сорин (расчесывая бороду):** Трагедия моей жизни. У меня и в молодости была такая наружность, будто я запоем пил — и все. Меня никогда не любили женщины.
4. **Треплев:** Отчего? Скучает. **(Садясь рядом.)** Ревнует. Она уже и против меня, и против спектакля, и против моей пьесы, потому что не она играет, а Заречная. Она не знает моей пьесы, но уже ненавидит ее. **Сорин (смеется):** Выдумашь, право... **Треплев:** Ей уже досадно, что вот на этой маленькой сцене будет иметь успех Заречная, а не она. **(Посмотрев на часы.)** Психологический курьез — моя мать. Бесспорно талантлива, умна, способна рыдать над книжкой, отхватит тебе всего Некрасова наизусть, за больными ухаживает, как ангел; но попробуй похвалить при ней Дузе! Ого-го! Нужно хвалить только ее одну, нужно писать о ней, кричать, восторгаться ее необыкновенною игрой в «La dame aux camélias»[1] или в «Чад жизни», но так как здесь, в деревне, нет этого дурмана, то вот она скучает и злится, и все мы — ее враги, все мы виноваты.
5. Ей хочется жить, любить, носить светлые кофточки, а мне уже двадцать пять лет, и я постоянно напоминаю ей, что она уже не молода. Когда меня нет, ей только тридцать два года, при мне же сорок три, и за это она меня ненавидит.
6. Она знает также, что я не признаю театра. Она любит театр, ей кажется, что она служит человечеству, святому искусству, а по-моему, современный театр — это рутина, предрассудок. Когда поднимается занавес и при вечернем освещении, в комнате с тремя стенами, эти великие таланты, жрецы святого искусства изображают, как люди едят, пьют, любят, ходят, носят свои пиджаки; когда из пошлых картин и фраз стараются выудить мораль — мораль маленькую, удобопонятную, полезную в домашнем обиходе; когда в тысяче вариаций мне подносят все одно и то же, одно и то же, одно и то же, — то я бегу и бегу, как Мопассан бежал от Эйфелевой башни, которая давила ему мозг своею пошлостью. **Сорин:** Без театра нельзя. **Треплев:** Нужны новые формы. Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно.
7. Иногда же просто во мне говорит эгоизм обыкновенного смертного; бывает жаль, что у меня мать известная актриса, и, кажется, будь это обыкновенная женщина, то я был бы счастливее. Дядя, что может быть отчаяннее и глупее положения: бывало, у нее сидят в гостях сплошь все знаменитости, артисты и писатели, и между ними только один я — ничто, и меня терпят только потому, что я ее сын. Кто я? Что я? Вышел из третьего курса университета по обстоятельствам, как говорится, от редакции не зависящим, никаких талантов, денег ни гроша, а по паспорту я — киевский мещанин. Мой отец ведь киевский мещанин, хотя тоже был известным актером. Так вот, когда, бывало, в ее гостиной все эти артисты и писатели обращали на меня свое милостивое внимание, то мне казалось, что своими взглядами они измеряли мое ничтожество, — я угадывал их мысли и страдал от унижения...
8. **Сорин:** Кстати, скажи, пожалуйста, что за человек этот беллетрист? Не поймешь его. Все молчит. **Треплев:** Человек умный, простой, немножко, знаешь, меланхоличный. Очень порядочный. Сорок лет будет ему еще не скоро, но он уже знаменит и сыт по горло... Что

- касается его писаний, то... как тебе сказать? Мило, талантливо... но... после Толстого или Зола не захочешь читать Тригорина.
9. **Сорин:** Я схожу, и все. Сию минуту. **(Идет вправо и поет.)** «Во Францию два гренадера...» **(Оглядывается.)** Раз так же вот я запел, а один товарищ прокурора и говорит мне: «А у вас, ваше превосходительство, голос сильный...» Потом подумал и прибавил: «Но... противный». **(Смеется и уходит.)**
10. **Нина:** Отец и его жена не пускают меня сюда. Говорят, что здесь богема... боятся, как бы я не пошла в актрисы... А меня тянет сюда, к озеру, как чайку... Мое сердце полно вами. **(Оглядывается.)**
11. **Нина:** В вашей пьесе трудно играть. В ней нет живых лиц. **Треплев:** Живые лица! Надо изображать жизнь не такую, как она есть, и не такую, как должна быть, а такую, как она представляется в мечтах. **Нина:** В вашей пьесе мало действия, одна только читка. И в пьесе, по-моему, непременно должна быть любовь...
12. **Дорн:** Мне пятьдесят пять лет. **Полина Андреевна:** Пустяки, для мужчины это не старость. Вы прекрасно сохранились и еще нравитесь женщинам.
13. **Шамраев (вздыхнув):** Пашка Чадин! Таких уж нет теперь. Пала сцена, Ирина Николаевна! Прежде были могучие дубы, а теперь мы видим одни только пни. **Дорн:** Блестящих дарований теперь мало, это правда, но средний актер стал гораздо выше. **Шамраев:** Не могу с вами согласиться. Впрочем, это дело вкуса. De gustibus aut bene, aut nihil.[2]
14. **Аркадина (читает из Гамлета):** «Мой сын! Ты очи обратил мне внутрь души, и я увидела ее в таких кровавых, в таких смертельных язвах — нет спасенья!»
15. Я начинаю. **(Стучит палочкой и говорит громко.)** О вы, почтенные, старые тени, которые носитесь в ночную пору над этим озером, усыпите нас, и пусть нам приснится то, что будет через двести тысяч лет! **Сорин:** Через двести тысяч лет ничего не будет. **Треплев:** Так вот пусть изобразят нам это ничего. **Аркадина:** Пусть. Мы спим.
16. Тела живых существ исчезли в прахе, и вечная материя обратила их в камни, в воду, в облака, а души их всех слились в одну. Общая мировая душа — это я... я... Во мне душа и Александра Великого, и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона, и последней пиявки. Во мне сознания людей слились с инстинктами животных, и я помню все, все, все, и каждую жизнь в себе самой я переживаю вновь.
17. **Аркадина (тихо):** Это что-то декадентское.
18. **Нина:** Я одинока. Раз в сто лет я открываю уста, чтобы говорить, и мой голос звучит в этой пустоте уныло, и никто не слышит... И вы, бледные огни, не слышите меня... Под утро вас рождает гнилое болото, и вы блуждаете до зари, но без мысли, без воли, без трепетания жизни. Боясь, чтобы в вас не возникла жизнь, отец вечной материи, дьявол, каждое мгновение в вас, как в камнях и в воде, производит обмен атомов, и вы меняетесь непрерывно. Во вселенной остается постоянным и неизменным один лишь дух. **Пауза.** Как пленник, брошенный в пустой глубокий колодец, я не знаю, где я и что меня ждет. От меня не скрыто лишь, что в упорной, жестокой борьбе с дьяволом, началом материальных сил, мне суждено победить, и после того материя и дух сольются в гармонии прекрасной и наступит царство мировой воли. Но это будет, лишь когда мало-помалу, через длинный, длинный ряд тысячелетий, и луна, и светлый Сириус, и земля обратятся в пыль... А до тех пор ужас, ужас...
19. **Аркадина:** Серой пахнет. Это так нужно? **Треплев:** Да. **Аркадина (смеется):** Да, это эффект. **Треплев:** Мама!
20. **Полина Андреевна (Дорну):** Вы сняли шляпу. Наденьте, а то простудитесь. **Аркадина:** Это доктор снял шляпу перед дьяволом, отцом вечной материи.
21. **Сорин:** Ирина, нельзя так, матушка, обращаться с молодым самолюбием. **Аркадина:** Что же я ему сказала? **Сорин:** Ты его обидела. **Аркадина:** Он сам предупреждал, что это шутка, и я относилась к его пьесе, как к шутке. **Сорин:** Все-таки... **Аркадина:** Теперь оказывается, что он написал великое произведение! Скажите пожалуйста! Стало быть, устроил он этот спектакль и надушил серой не для шутки, а для демонстрации... Ему хотелось поучить нас, как надо писать и что нужно играть.

22. **Сорин:** Он хотел доставить тебе удовольствие. **Аркадина:** Да? Однако же вот он не выбрал какой-нибудь обыкновенной пьесы, а заставил нас прослушать этот декадентский бред. Ради шутки я готова слушать и бред, но ведь тут претензии на новые формы, на новую эру в искусстве. А по-моему, никаких тут новых форм нет, а просто дурной характер. **Тригорин:** Каждый пишет так, как хочет и как может. **Аркадина:** Пусть он пишет, как хочет и как может, только пусть оставит меня в покое. **Дорн:** Юпитер, ты сердишься... **Аркадина:** Я не Юпитер, а женщина. **(Закуривает.)** Я не сержусь, мне только досадно, что молодой человек так скучно проводит время. Я не хотела его обидеть.
23. **Медведенко:** Никто не имеет основания отделять дух от материи, так как, быть может, самый дух есть совокупность материальных атомов.
24. **Нина (Тригорину):** Не правда ли, странная пьеса? **Тригорин:** Я ничего не понял. Впрочем, смотрел я с удовольствием. Вы так искренно играли. И декорация была прекрасная.
25. **Нина:** Но, я думаю, кто испытал наслаждение творчества, для того уже все другие наслаждения не существуют.
26. Я что хочу сказать? Вы взяли сюжет из области отвлеченных идей. Так и следовало, потому что художественное произведение непременно должно выражать какую-нибудь большую мысль. Только то прекрасно, что серьезно.
27. **Дорн:** И вот еще что. В произведении должна быть ясная, определенная мысль. Вы должны знать, для чего пишете, иначе если пойдете по этой живописной дороге без определенной цели, то вы заблудитесь и ваш талант погубит вас.
28. **Дорн (вздыхнув):** Молодость, молодость! **Маша:** Когда нечего больше сказать, то говорят: молодость, молодость... **(Нюхает табак.)**
29. Станем рядом. Вам двадцать два года, а мне почти вдвое. Евгений Сергеич, кто из нас моложе? **Дорн:** Вы, конечно. **Аркадина:** Вот-с... А почему? Потому что я работаю, я чувствую, я постоянно в суе, а вы сидите всё на одном месте, не живете... И у меня правило: не заглядывать в будущее. Я никогда не думаю ни о старости, ни о смерти. Чему быть, того не миновать.
30. **Аркадина:** Нарядная, интересная... За это вы умница. **(Целует Нину.)** Но не нужно очень хвалить, а то сглазим.
31. **Сорин:** Я рад бы лечиться, да вот доктор не хочет. **Дорн:** Лечиться в шестьдесят лет! **Сорин:** И в шестьдесят лет жить хочется.
32. **Полина Андреевна (идя с ним):** Какие миленькие цветы! **(Около дома, глухим голосом.)** Дайте мне эти цветы! Дайте мне эти цветы! **(Получив цветы, рвет их и бросает в сторону.)**
33. **Нина (одна):** Как странно видеть, что известная артистка плачет, да еще по такому пустому поводу! И не странно ли, знаменитый писатель, любимец публики, о нем пишут во всех газетах, портреты его продаются, его переводят на иностранные языки, а он целый день ловит рыбу и радуется, что поймал двух голавлей. Я думала, что известные люди горды, неприступны, что они презирают толпу и своею славой, блеском своего имени как бы мстят ей за то, что она выше всего ставит знатность происхождения и богатство. Но они вот плачут, удят рыбу, играют в карты, смеются и сердятся, как все...
34. **Треплев (входит без шляпы, с ружьем и с убитой чайкой):** Вы одни здесь? **Нина:** Одна. Треплев кладет у ее ног чайку. Что это значит? **Треплев:** Я имел подлость убить сегодня эту чайку. Кладу у ваших ног. **Нина:** Что с вами? **(Поднимает чайку и глядит на нее.)** **Треплев (после паузы):** Скоро таким же образом я убью самого себя. **Нина:** Я вас не узнаю. **Треплев:** Да, после того, как я перестал узнавать вас. Вы изменились ко мне, ваш взгляд холоден, мое присутствие стесняет вас. **Нина:** В последнее время вы стали раздражительны, выражаетесь все непонятно, какими-то символами. И вот эта чайка тоже, по-видимому, символ, но, простите, я не понимаю... **(Кладет чайку на скамью.)** Я слишком проста, чтобы понимать вас.
35. **Треплев:** Это началось с того вечера, когда так глупо провалилась моя пьеса. Женщины не прощают неуспеха. Я все сжег, все до последнего клочка. Если бы вы знали, как я несчастлив!
36. Вы только что сказали, что вы слишком просты, чтобы понимать меня. О, что тут понимать?! Пьеса не понравилась, вы презираете мое вдохновение, уже считаете меня заурядным,

- ничтожным, каких много... **(Топнув ногой.)** Как это я хорошо понимаю, как понимаю! У меня в мозгу точно гвоздь, будь он проклят вместе с моим самолюбием, которое сосет мою кровь, сосет, как змея... **(Увидев Тригорина, который идет, читая книжку.)** Вот идет истинный талант; ступает, как Гамлет, и тоже с книжкой. **(Дразнит.)** «Слова, слова, слова...»
37. Мне приходится не часто встречать молодых девушек, молодых и интересных, я уже забыл и не могу себе ясно представить, как чувствуют себя в восемнадцать-девятнадцать лет, и потому у меня в повестях и рассказах молодые девушки обыкновенно фальшивы. Я бы вот хотел хоть один час побыть на вашем месте, чтобы узнать, как вы думаете и вообще что вы за штучка.
38. **Нина:** Чудный мир! Как я завидую вам, если бы вы знали! Жребий людей различен. Одни едва влачат свое скучное, незаметное существование, все похожие друг на друга, все несчастные; другим же, как, например, вам, — вы один из миллиона, — выпала на долю жизнь интересная, светлая, полная значения... Вы счастливы... **Тригорин:** Я? **(Пожимая плечами.)** Гм... Вы вот говорите об известности, о счастье, о какой-то светлой, интересной жизни, а для меня все эти хорошие слова, простите, все равно что мармелад, которого я никогда не ем.
39. Будем говорить о моей прекрасной, светлой жизни... Ну-с, с чего начнем? **(Подумав немного.)** Бывают насильственные представления, когда человек день и ночь думает, например, все о луне, и у меня есть своя такая луна. День и ночь одолевает меня одна неотвязчивая мысль: я должен писать, я должен писать, я должен... Едва кончил повесть, как уже почему-то должен писать другую, потом третью, после третьей четвертую... Пишу непрерывно, как на перекладных, и иначе не могу. Что же тут прекрасного и светлого, я вас спрашиваю? О, что за дикая жизнь! Вот я с вами, я волнуюсь, а между тем каждое мгновение помню, что меня ждет неоконченная повесть. Вижу вот облако, похожее на рояль. Думаю: надо будет упомянуть где-нибудь в рассказе, что плыло облако, похожее на рояль. Пахнет гелиотропом. Скорее мотаю на ус: приторный запах, вдовий цвет, упомянуть при описании летнего вечера. Ловлю себя и вас на каждой фразе, на каждом слове и спешу скорее запереть все эти фразы и слова в свою литературную кладовую: авось пригодится! Когда кончаю работу, бегу в театр или удить рыбу; тут бы и отдохнуть, забыться, ан — нет, в голове уже ворочается тяжелое чугунное ядро — новый сюжет, и уже тянет к столу, и надо спешить опять писать и писать. И так всегда, всегда, и нет мне покоя от самого себя, и я чувствую, что съедаю собственную жизнь, что для меда, который я отдаю кому-то в пространство, я обираю пыль с лучших своих цветов, рву самые цветы и топчу их корни. Разве я не сумасшедший? Разве мои близкие и знакомые держат себя со мною как со здоровым? «Что пописываете? Чем нас подарите?» Одно и то же, одно и то же, и мне кажется, что это внимание знакомых, похвалы, восхищение — все это обман, меня обманывают, как больного, и я иногда боюсь, что вот-вот подкрадутся ко мне сзади, схватят и повезут, как Поприщина, в сумасшедший дом. А в те годы, в молодые, лучшие годы, когда я начинал, мое писательство было одним сплошным мучением. Маленький писатель, особенно когда ему не везет, кажется себе неуклюжим, неловким, лишним, нервы у него напряжены, издерганы; неудержимо бродит он около людей, причастных к литературе и к искусству, непризнанный, никем не замечаемый, боясь прямо и смело глядеть в глаза, точно страстный игрок, у которого нет денег. Я не видел своего читателя, но почему-то в моем воображении он представлялся мне недружелюбным, недоверчивым. Я боялся публики, она была страшна мне, и когда мне приходилось ставить свою новую пьесу, то мне казалось всякий раз, что брюнеты враждебно настроены, а блондины холодно равнодушны. О, как это ужасно! Какое это было мучение!
40. **Нина:** Позвольте, но разве вдохновение и самый процесс творчества не дают вам высоких, счастливых минут? **Тригорин:** Да. Когда пишу, приятно. И корректуру читать приятно, но... едва вышло из печати, как я не выношу и вижу уже, что оно не то, ошибка, что его не следовало бы писать вовсе, и мне досадно, на душе дрянно... **(Смеется.)** А публика читает: «Да, мило, талантливо... Мило, но далеко до Толстого», или: «Прекрасная вещь, но „Отцы и дети“ Тургенева лучше». И так до гробовой доски все будет только мило и талантливо, мило и талантливо — больше ничего, а как умру, знакомые, проходя мимо могилы, будут говорить: «Здесь лежит Тригорин. Хороший был писатель, но он писал хуже Тургенева». **Нина:** Простите, я отказываюсь понимать вас. Вы просто избалованы успехом.

41. Но ведь я не пейзажист только, я ведь еще гражданин, я люблю родину, народ, я чувствую, что если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем, говорить о науке, о правах человека и прочее и прочее, и я говорю обо всем, тороплюсь, меня со всех сторон подгоняют, сердятся, я мечусь из стороны в сторону, как лисица, затравленная псами, вижу, что жизнь и наука все уходят вперед и вперед, а я все отстаю и отстаю, как мужик, опоздавший на поезд, и в конце концов чувствую, что я умею писать только пейзаж, а во всем остальном я фальшив, и фальшив до мозга костей.
42. **Нина:** Что это вы пишете? **Тригорин:** Так, записываю... Сюжет мелькнул... (**Пряча книжку.**) Сюжет для небольшого рассказа: на берегу озера с детства живет молодая девушка, такая, как вы; любит озеро, как чайка, и счастлива, и свободна, как чайка. Но случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил ее, как вот эту чайку.
43. **Тригорин:** А не много ли будет? **Маша:** Ну вот! (**Наливает по рюмке.**) Вы не смотрите на меня так. Женщины пьют чаще, чем вы думаете. Меньшинство пьет открыто, как я, а большинство тайно. Да. И всё водку или коньяк. (**Чокается.**)
44. Пришлите же мне ваши книжки, непременно с автографом. Только не пишите «многоуважаемой», а просто так: «Марье, родства не помнящей, неизвестно для чего живущей на этом свете». Прощайте! (**Уходит.**)
45. **Аркадина:** У меня нет денег. Я актриса, а не банкирша.
46. **Аркадина:** Для тебя наслаждение говорить мне неприятности. Я уважаю этого человека и прошу при мне не выражаться о нем дурно. **Треплев:** А я не уважаю. Ты хочешь, чтобы я тоже считал его гением, но прости, я лгать не умею, от его произведений мне претит. **Аркадина:** Это зависть. Людям не талантливым, но с претензиями, ничего больше не остается, как порицать настоящие таланты. Нечего сказать, утешение! **Треплев (иронически):** Настоящие таланты! (**Гневно.**) Я талантливее вас всех, коли на то пошло! (**Срывает с головы повязку.**) Вы, рутинеры, захватили первенство в искусстве и считаете законным и настоящим лишь то, что делаете вы сами, а остальное вы гнетете и душите! Не признаю я вас! Не признаю ни тебя, ни его! **Аркадина:** Декадент!.. **Треплев:** Отправляйся в свой милый театр и играй там в жалких, бездарных пьесах! **Аркадина:** Никогда я не играла в таких пьесах. Оставь меня! Ты и жалкого водевиля написать не в состоянии. Киевский мещанин! Приживал! **Треплев:** Скрыга! **Аркадина:** Оборвыш!
47. **Тригорин:** Иногда люди спят на ходу, так вот я говорю с тобою, а сам будто сплю и вижу ее во сне... Мною овладели сладкие, дивные мечты... Отпусти...
48. **Аркадина:** Неужели я уже так стара и безобразна, что со мною можно, не стесняясь, говорить о других женщинах?
49. Ты такой талантливый, умный, лучший из всех теперешних писателей, ты единственная надежда России... У тебя столько искренности, простоты, свежести, здорового юмора... Ты можешь одним штрихом передать главное, что характерно для лица или пейзажа, люди у тебя как живые. О, тебя нельзя читать без восторга! Ты думаешь, это фимиам? Я лщу? Ну, посмотри мне в глаза... посмотри... Похожа я на лгунью? Вот и видишь, я одна умею ценить тебя; одна говорю тебе правду, мой милый, чудный...
50. **Пауза.** Тригорин записывает в книжку. Что ты? **Тригорин:** Утром слышал хорошее выражение: «Девичий бор...» Пригодится.
51. **Медведенко:** Боится одиночества. (**Прислушиваясь.**) Какая ужасная погода! Это уже вторые сутки. **Маша (припускает огня в лампе):** На озере волны. Громадные. **Медведенко:** В саду темно. Надо бы сказать, чтобы сломали в саду тот театр. Стоит голый, безобразный, как скелет, и занавеска от ветра хлопает. Когда я вчера вечером проходил мимо, то мне показалось, будто кто в нем плакал...
52. **Маша:** Скучный ты стал. Прежде, бывало, хоть пофилософствуешь, а теперь все ребенок, домой, ребенок, домой, — и больше от тебя ничего не услышишь.
53. Женщине, Костя, ничего не нужно, только взгляни на нее ласково. По себе знаю.
54. **Сорин:** Вот хочу дать Косте сюжет для повести. Она должна называться так: «Человек, который хотел». «L'homme qui a voulu». В молодости когда-то хотел я сделаться литератором — и не сделался; хотел красиво говорить — и говорил отвратительно (**дразнит себя**): «и все и

все такое, того, не того...» и, бывало, резюме везешь, везешь, даже в пот ударит; хотел жениться — и не женился; хотел всегда жить в городе — и вот кончаю свою жизнь в деревне, и все.

55. **Сорин:** Какой упрямец. Поймите, жить хочется! **Дорн:** Это легкомыслие. По законам природы всякая жизнь должна иметь конец. **Сорин:** Вы рассуждаете, как сытый человек. Вы сыты и потому равнодушны к жизни, вам все равно. Но умирать и вам будет страшно. **Дорн:** Страх смерти — животный страх... Надо подавлять его. Сознательно бояться смерти только верующие в вечную жизнь, которым страшно бывает своих грехов. А вы, во-первых, неверующий, во-вторых, — какие у вас грехи? Вы двадцать пять лет прослужили по судебному ведомству — только всего.
56. **Медведенко:** Позвольте вас спросить, доктор, какой город за границей вам больше понравился? **Дорн:** Генуя. **Треплев:** Почему Генуя? **Дорн:** Там превосходная уличная толпа. Когда вечером выходишь из отеля, то вся улица бывает запружена народом. Движешься потом в толпе без всякой цели, туда-сюда, по ломаной линии, живешь с нею вместе, сливаешься с нею психически и начинаешь верить, что в самом деле возможна одна мировая душа, вроде той, которую когда-то в вашей пьесе играла Нина Заречная. Кстати, где теперь Заречная? Где она и как?
57. **Дорн:** А сцена? **Треплев:** Кажется, еще хуже. Дебютировала она под Москвой в дачном театре, потом уехала в провинцию. Тогда я не упускал ее из виду и некоторое время куда она, туда и я. Бралась она все за большие роли, но играла грубо, безвкусно, с завываниями, с резкими жестами. Бывали моменты, когда она талантливо вскрикивала, талантливо умирала, но это были только моменты. **Дорн:** Значит, все-таки есть талант? **Треплев:** Понять было трудно. Должно быть, есть. Я ее видел, но она не хотела меня видеть, и прислуга не пускала меня к ней в номер.
58. Потом я, когда уже вернулся домой, получал от нее письма. Письма умные, теплые, интересные; она не жаловалась, но я чувствовал, что она глубоко несчастна; что ни строчка, то больной, натянутый нерв. И воображение немного расстроено. Она подписывалась Чайкой. В «Русалке» мельник говорит, что он ворон, так она в письмах все повторяла, что она чайка.
59. Как легко, доктор, быть философом на бумаге и как это трудно на деле!
60. **Шамраев:** В газетах бранят его очень. **Маша:** Семьдесят семь! **Аркадина:** Охота обращать внимание. **Тригорин:** Ему не везет. Все никак не может попасть в свой настоящий тон. Что-то странное, неопределенное, порой даже похожее на бред. Ни одного живого лица.
61. **Дорн:** А я верю в Константина Гаврилыча. Что-то есть! Что-то есть! Он мыслит образами, рассказы его красочны, яркие, и я их сильно чувствую. Жаль только, что он не имеет определенных задач. Производит впечатление, и больше ничего, а ведь на одном впечатлении далеко не уедешь. Ирина Николаевна, вы рады, что у вас сын писатель? **Аркадина:** Представьте, я еще не читала. Все некогда.
62. **Треплев (распахивает окно, прислушивается):** Как темно! Не понимаю, отчего я испытываю такое беспокойство. **Аркадина:** Костя, закрой окно, а то дует.
63. **Треплев (собирается писать; пробегает то, что уже написано):** Я так много говорил о новых формах, а теперь чувствую, что сам мало-помалу сползаю к рутине. **(Читает.)** «Афиша на заборе гласила... Бледное лицо, обрамленное темными волосами...» Гласила, обрамленное... Это бездарно. **(Зачеркивает.)** Начну с того, как героя разбудил шум дождя, а остальное все вон. Описание лунного вечера длинно и изысканно. Тригорин выработал себе приемы, ему легко... У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса — вот и лунная ночь готова, а у меня и трепещущий свет, и тихое мерцание звезд, и далекие звуки рояля, замирающие в тихом ароматном воздухе... Это мучительно. **Пауза.** Да, я все больше и больше прихожу к убеждению, что дело не в старых и не в новых формах, а в том, что человек пишет, не думая ни о каких формах, пишет, потому что это свободно льется из его души.
64. Итак, вы стали уже писателем... Вы писатель, я — актриса... Попали и мы с вами в круговорот... Жила я радостно, по-детски — проснешься утром и запоешь; любила вас, мечтала о славе, а теперь? Завтра рано утром ехать в Елец в третьем классе... с мужиками, а в

Ельце образованные купцы будут приставать с любезностями. Груба жизнь! **Треплев:** Зачем в Елец? **Нина:** Взяла ангажемент на всю зиму. Пора ехать.

65. Я стала мелочною, ничтожною, играла бессмысленно... Я не знала, что делать с руками, не умела стоять на сцене, не владела голосом. Вы не понимаете этого состояния, когда чувствуешь, что играешь ужасно. Я — чайка. Нет, не то... Помните, вы подстрелили чайку? Случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил... Сюжет для небольшого рассказа... Это не то... (**Трет себе лоб.**) О чем я?.. Я говорю о сцене. Теперь уж я не так... Я уже настоящая актриса, я играю с наслаждением, с восторгом, пьянею на сцене и чувствую себя прекрасной. А теперь, пока живу здесь, я все хожу пешком, все хожу и думаю, думаю и чувствую, как с каждым днем растут мои душевные силы... Я теперь знаю, понимаю, Костя, что в нашем деле — все равно, играем мы на сцене или пишем — главное не слава, не блеск, не то, о чем я мечтала, а умение терпеть. Умей нести свой крест и веруй. Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни. **Треплев (печально):** Вы нашли свою дорогу, вы знаете, куда идете, а я все еще ношусь в хаосе грез и образов, не зная, для чего и кому это нужно. Я не верую и не знаю, в чем мое призвание.

Конец текста